

Размышления над книгой Е. С. Обуховой "Ономастика лицейской лирики А. С. Пушкина". — Воронеж: Воронежский гос. университет, 2005. — 208 с.

Значение А. С. Пушкина — "умнейшего из мужей" — для русской культуры трудно переоценить. Пушкинский ономастикон, с точки зрения лингвокультурологии, являет собою антропосферу, инфосферу и хронотоп этой гениальной языковой личности, принадлежащей своей эпохе и в художественной форме отражающей её. Поэтому исследование ономастического пространства как части индивидуального когнитивного пространства поэта остаётся важным и актуальным, а словарная презентация этого материала (а книга Е. С. Обуховой имеет форму словаря) представляется наиболее адекватной для массового читателя. Нельзя не согласиться с автором, пишущим: "Создание ономастического словаря А. С. Пушкина актуально для нашего времени, так как многие ономастические реалии, понятные любому в XIX веке, становятся затемнёнными, и, кроме того, со временем появилось немало неучтенного и нуждающегося в классификации материала по вопросам пушкинской ономии" (с. 10). Таким образом, сделана попытка пополнить лексикографическую Пушкиниану (в частности, ономастическую) ещё одним словарём. Автор ограничивается ранним периодом творчества А. С. Пушкина, в связи с чем объектом описания выступает ономастическое пространство лирики лицейского периода, действительно перегруженной проприальной лексикой, мифологической и исторической, не всегда известной и понятной современному читателю.

Словарь можно отнести к синтетическому типу: он имеет и филологическую (лингвистическую), и энциклопедическую составляющие. Лингвистическая компонента, представленная разнообразно и многопланово, заключается прежде всего в попытке дать ономастическую квалификацию репрезентированных проприативов: Буало — антропоним, Галлия — хороним, Бородино — топоним, Пегас — мифологический зооним, Каломона — гидроним и т. д. В ряде случаев констатирует переносное значение онима и устанавливая образования, обращая внимание главным образом на метонимический перенос типа автор — книги данного автора: *Вольтер* – 1-2, *Гораций* 1-2, *Платон* 1-2, *Тасс* 1-2 и др. Правда, в соответствии с лексико-графической традицией подобная полисемия презентуется обычно в

© Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина, 2007

структуре одной словарной статьи (а не разных, как у Е. С. Обуховой), при этом цифрами обозначаются разные лексико-семантические варианты одной семемы. Ономастическую же омонимию (например, *Денис* 1-3; с. 70-71) действительно целесообразно описывать в разных словарных статьях.

Широко представлены в словарных статьях наблюдения над семантикой онимов; см., например, статью Пушкин. Присутствует в словаре разнообразный и интересный историко-этимологический комментарий. Но все же в большей мере данная лексикографическая работа носит энциклопедический характер, характер справочника, из которого можно получить биографические сведения о той или иной личности из окружения Пушкина-лицеиста (для чего широко использованы труды Л.А. Черейского), данные о том или ином антропониме или топониме из античной мифологии или персонаже из художественной литературы. Для получения такой информации Е.С. Обухова привлекла значительную пушкиноведческую справочную литературу, которую она уместно цитирует, что, несомненно, формирует научную платформу рецензируемого исследования.

Книга "Ономастика лицейской лирики А. С. Пушкина" состоит из двух частей: "Введения" и собственно "Словаря ономастики А. С. Пушкина лицейского периода". Во "Введении" автор делает содержательный обзор ономастической лексикографии, посвященной творчеству великого поэта, энциклопедических изданий, включающих пушкинский ономастический материал. Весь заключенный в словаре ономастикон представлен здесь в обобщенном виде: названы разновидности лексикографируемых онимов — антропонимы, мифонимы, топонимы, хоронимы (и др.) — и их количественный состав. Раздел введения "Структура словарной статьи" посвящен описанию микроструктуры словаря: форме заголовочного слова и его вариативности, способам семантизации онима; указывается источник цитатного материала и принципы паспортизации цитаты.

Материал "Введения" побуждает нас высказать ряд соображений. Как правило, при презентации макроструктуры лексикографического произведения авторы обращаются к проблемным вопросам, теоретически обосновывают принципы включения/невключения в словарь тех или иных единиц, обсуждают дискуссионные теоретические вопросы, мотивируют свои позиции относительно отбора материала и метаязыка. Поэтому нам представляется, что автору рецензируемого исследования следовало бы

доказать необходимость включения в вокабулярий "Ономастики..." этнонимов, которые лишь словообразовательно коррелируют с топонимами, мотивируются ими, но своими референтными и грамматическими свойствами не соответствуют признакам проприатива. Желательно было бы аргументировать включение в качестве самостоятельных единиц отономастических прилагательных (их в словаре более 20), местоимений *он*, *она* (с. 130), а также большого ряда апеллятивов (около 60 единиц), которые в одном из изданий произведений А. С. Пушкина даны с прописной буквы. На самом деле многие из отономастических прилагательных входят в структуру составных ономастических номинаций, которые и должны бы выступать в качестве заголовочных слов, а именно: *Баболовский дворец*, *Фессальская гора* (Парнас); словосочетание *Бородинские поля* является поэтическим контекстным синонимом (перифразой) к топониму Бородино; *Морвенский герой* — поэтическим синонимом к имени героя стихотворения "Кольна" — *Тоскара* (то есть тоже перифразой — и, следовательно, отдельной номинацией персонажа — антропонимом).

В этой связи возникает проблема размещения перифразы как поэтического синонима имени собственного в данном словаре. Е. С. Обухова частично включает это номинативное средство, однако не использует термина *перифраза* и именуется конструкции данного типа то метафорой, то эпитетом: единица *певец Людмилы* нас. 138 квалифицируется как "эпитет В. А. Жуковского", а совершенно аналогичные конструкции *певец Фелицы* (с. 139), *певец Пенатов* (с. 138) — как "метафоры Г. Державина и К. Н. Батюшкова". Здесь находим перифразы, представленные в такой подаче: *"Минерва Росская* — метафора императрицы Екатерины II" (с. 144) ; *"владелец Пинда, оракул Франции, Фернейский крикун* — метафоры Вольтера" (с. 50, 131, 179), но *фернейский старичок, султан французского Парнаса* (Монах; I, 15), *отец Кандида, Арьоста, Тасса внук* (Городок; I, 102) как перифразы антропонима *Вольтер* отсутствуют. Не включены и многие другие ономастические иносказания: *священный град Востока* — 'Иерусалим', *герой Альбиона* — 'герцог Веллингтон', *русский Буфлер, наперсник Аонид* — 'К. Н. Батюшков', *скальд России* — 'В. А. Жуковский', *богиня вралих Петрополя* — 'А. П. Бунина' и др.

Ориентируясь на орфографические особенности использованного издания произведений А. С. Пушкина, Е. С. Обухова последовательно представляет в словаре отвлеченную лексику, имеющую как поло

жительную (*Вкус, Вера, Веселие, Дружество, Надежда, Счастье*), так и отрицательную (*Вражда, Глупость, Лень, Невежество, Непросвещение*) коннотацию, а также и другие апеллятивы (*Гекзаметры, Дак-тилы; Поэт, Юноша-Мудрец, Философ*), чаще всего объясняя это включение персонификацией апеллятивов. Написанные с заглавной буквы, что соответствовало традиции XVIII — начала XIX вв. и отражало их специфическую прагматику как слов, отмеченных особым авторским чувством, позитивным или негативным, подобные лексемы действительно выступают в контексте с определенными семантическими приращениями, однако это не дает основания считать их именами собственными — индивидуальными номинациями объектов, выделяющими один объект из числа других в том же классе. К тому же в других изданиях все эти слова написаны со строчной буквы — например, в 10-томном академическом "Полном собрании сочинений А. С. Пушкина" — М.: АН СССР, 1962-1966: "*Здесь дремлет юноша-мудрец Питомец нег и Аполлона*" (Выделения сделаны нами — Л. Г., Л. Ф.) (Мое завещание друзьям; 7; 1,136); *Приди, олень! приди в мою пустыню, Тебя зовут прохлада и покой* (Сон; 7; I, 192); *О вера, ты стоишь у двери гробовой, Ты ночь могильную ей тихо освещаешь, И ободренную с надеждой отпускаешь...* (Безверие; 7; I, 250).

С другой стороны, в издании 1937 г. отмечено: "Заменяются <...> прописные буквы строчными в таких словах, как *царь, бог, государь, божество, вера, небо, батюшка священник, батюшка, бард, герой*" [б; I, с. 435]. Следовательно, и перечисленные слова (по логике Е. С. Обуховой) могли бы считаться проприативами, если бы редакторский комитет академического издания Полного собрания сочинений Пушкина в соответствии с идеологическими установками своего времени не счёл бы их недостойными такого "лингвистического пиетета".

Кстати об изданиях сочинений А. С. Пушкина. Автор "Ономастики..." полагает, что пользуется десятичным "Полным собранием сочинений", работая с 1-м томом 1937 г. . На самом деле в этом году АН СССР начала 16-томное издание, оконченное в 1949 г. Это (так называемое Большое академическое) издание переиздано в 1995- 1999 гг., но уже как 19-томное.

Таким образом, "Введение" недостаточно полно освещает состав лексических единиц, включаемых в Словарь и описываемых в нем, и содержит ряд неточностей. Что касается замеченной автором "неточности" в "Словаре языка Пушкина" во фразе *Эраты нежный друг* (в издании 1937 г.

— *нежной*, поэтому автор рассматриваемого исследования считает это слово эпитетом к антропониму *Эрата*, игнорируя исторические изменения в русском языке), то это рассуждение не выдерживает критики. И кстати, *нежный друг Эраты* — ещё одна перифраза к антропониму *Вольтер*.

Словарные статьи рассматриваемой книги содержательны и интересны, особенно в тех случаях, когда автор опирается на сведения и мнения известных пушкинистов, на специальные исследования, посвященные лицейской лирике А. С. Пушкина, или на разнообразную энциклопедическую информацию. Следует отдать должное Е. С. Обуховой: она трудолюбиво собирала сведения о проприальной лексике из различных источников, провела большую поисковую работу. Когда же она к подобным источникам не обращается, возникают ошибки и неточности. Например, имя *Маром* семантизируется в словаре (с. 110) как "фонетический вариант антропонима *Марон*" (одного из имен Вергилия — см. с. 109). На самом деле *Маром* — транслитерация имени французского поэта Клемана Маро, известного своими эпиграммами; и в издании 1962-1966 гг. стихотворение "Старик" дано с подзаголовком "Из Маро" (I, 274).

Статья о колокольне Иван-великой (см. с. 84 в книге "Ономастикон...") не даёт ономастической квалификации данного онима (это экклезионим) и совершенно необоснованно связывает данное архитектурное сооружение с именем царя Ивана Грозного, который, как известно, жил в 1530-1584 гг. А "церковь-колокольница" Иван-Великий сооружена в 1505-1508 гг. (архитектор Бон Фрязин) на месте древней церкви Иоанна Лествичника. В летописи под 7013 (1505) г. сообщается: "тогда же и другую церковь разобраша Иоанн святыи Лествичник, иже под колоколы, созданную от великого же князя Ивана Даниловича в лето 6833, заложиша новую церковь Иоанн святыи на старом месте" [Цит. по: 3, с. 8]. Название колокольни сохраняет имя святого Иоанна и указание на высоту звонницы — Иван Великий (высота около 80 метров — для архитектурных сооружений того времени чрезвычайная!) [См. также: 1, с. 71-72; 2, с. 67-68].

Не всё в порядке и с определением ономастического статуса отдельных онимов. Так, города *Лион*, *Петроград*, *Петрополь*, *Пафос*, *Царское Село* и др. квалифицируются как хоронимы [См. по этому вопросу: 4, с. 145]; имена богов любого пантеона в ономастике терминологизируются как

теонимы [См.: 4, с. 124] — поэтому *Аполлон, Гименей, Зевс, Венера* и мн. др. (тем более дракон *Пифон*) не могут определяться как мифологические антропонимы; а культовое имя монотеистической христианской религии *Христос* также не антропоним, а культоним [см.: 5, с. 289]. Не всегда точны и подсчёты словоупотреблений: например, в статье *Молок* недостает цитат: *Предстал Молок, дрожащий под столом...* (Монах; I, 26); *Ты победил, почтенный старичок, — Так отвечал смиренхонько Молок.* (Там же, 26); *Старик, старик, не слушай ты Молока..* (Там же, 27); *Лети, старик, сев на плеча Молока* (Там же, 28). Есть и другие случаи неполного представления онама.

Завершая наш краткий обзор книги "Ономастика лицейской лирики А. С. Пушкина", подчеркнем, что она очень нужна и полезна, особенно для школьников, начинающих изучать творчество русского гения, а также для широкого круга читателей и почитателей его великого таланта. Однако книга нуждается в доработке как в области содержания, так и в области стиля — и даже орфографии, которая в авторском тексте не всегда соответствует современным нормам (см., например, написание топонима Царское Село, с. 77). Но словарь издан небольшим тиражом (200 экземпляров), и у автора есть возможность его усовершенствовать, тем более, что Е. С. Обухова — автор молодой и вполне способный стать и хорошим лексикографом, и глубоким пушкинистом.

Литература

1. *Гукова Л. Н., Фомина Л. Ф.* Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина: Словарь. — Одесса: Фотосинтетика, 2004.
2. *Гукова Л.Н., Фомина Л. Ф.* Индивидуально-авторская характеристика экклезионимов в творчестве А.С. Пушкина // Записки з ономастики. — Вип. 9. — Одеса: Астропринт, 2005.
3. *Михайлов А. И.* Колокольня Ивана Великого в Московском кремле: Искусство. — М., 1963.
4. *Подольская Н. В.* Словарь ономастической терминологии / 2-е изд. — М.: Наука, 1988.
5. *Подольская Н. В.* Оним // Русский язык: Энциклопедия/ Гл. ред. Ю. Н. Караулов. — М., 1997.
6. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16-ти томах. — М., 1937-1949. — Т. 1, 1937.
7. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. — 3-е изд. — 1962-1966.

Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина